

Глава 28. Ты — мой наркотик

Единственным выходом для потерпевшего поражение Ань Но было позорное бегство. Он чувствовал, что любовь к Бай Ичэню — это самая изощренная пытка в мире. Чтобы не ударить в грязь лицом и не втягивать парня в лишние неприятности, капитан решил держаться от него как можно дальше.

Вчера днем Ань Но приехал на мотоцикле. Медленно бредя к гаражам, он вспомнил острый язык Бай Ичэня и невольно усмехнулся.

«В конце концов, этот малец всё-таки выставил меня за дверь!»

Только сейчас Ань Но осознал: весь их бессмысленный спор затевался лишь ради того, чтобы спроводить его.

Выкатив свою «старушку», Ань Но решил, что вернется часам к четырем-пяти вечера — возьмет в ресторанчике у входа еду навынос и заглянет проведать Ичэня. А пока ему жизненно необходимо было добраться до дома и рухнуть в мягкую постель. Сутки без сна для профессионального оперативника — пустяк, но если учесть, что всё это время его швыряло по волнам чудовищного коктейля из заговоров, любви и лжи, то душевных сил почти не осталось. Сюжет их жизни за эти часы выдал столько крутых поворотов, что голова шла кругом.

Стоило подумать о просторной двуспальной кровати, как глаза начало резать, а в висках застучала тупая боль. Ань Но оседлал мотоцикл, крутанул ручку газа и, взревев мотором, рванул с места.

Бай Ичэнь просидел на стуле минут пятнадцать, пока вода в стакане не остыла настолько, чтобы можно было запить горсть таблеток. Достав телефон, он первым делом позвонил в Ресторан домашней кухни Цзюсян, чтобы отпроситься. Босс Чэнь, услышав, что парень провел ночь в больнице, тут же зашумел, порываясь приехать. Дети босса давно уехали учиться за границу, и он искренне привязался к смышленому, послушному Ичэню, втайне мечтая усыновить его. Но тот был до крайности упрям, отчего босс Чэнь частенько пребывал в меланхолии, сокрушаясь, что его отеческая забота остается неприкаянной. Он с улыбкой успокаивал его, и лишь после долгой болтовни наконец повесил трубку.

Послonyaвшись по комнате, он понял, что лекарства начинают действовать. Телевизор из-за плохого сигнала почти ничего не ловил, и, борясь с сонливостью и головной болью, Ичэнь решил прилечь. Матрас и простыни всё еще сушились на крыше. Сил подниматься за ними не было, да и толку — они наверняка оставались влажными, так недолго и еще сильнее разболеться. Подумав, он подошел к шкафу и принялся перебирать одежду.

В этом южном городе даже зимой не бывало лютых морозов, зато влажность пробирала до

костей. Обычно для зимовки хватало плотного шерстяного пальто. В шкафу Ичэня их было два. Одно — дорогое, купленное матерью еще до болезни. Тогда он перешел в выпускной класс, нагрузка была огромной, приходилось подрабатывать, и мать, боясь, что сын не выдержит, скрепя сердце потратила больше тысячи юаней. Это пальто Бай Ичэнь надевал лишь в самые холодные дни, а в остальное время хранил его в большом пакете, аккуратно расправив на вешалке. Второе пальто, которое он носил постоянно, было тонковатым и не слишком грело.

Поколебавшись, Ичэнь вытянул из глубины шкафа тяжелое зимнее одеяло и расстелил его прямо на голом основании кровати. Свернув несколько вещей вместо подушки, он натянул толстовку, накрылся сверху старым пальто и забылся тяжелым сном.

Ему казалось, что он проспал не больше пяти минут, когда в уши ворвался оглушительный грохот — кто-то неистово колотил в дверь.

«Ань Но, точно он!»

Ичэнь откинул пальто и резко сел, лихорадочно запихивая постель обратно в шкаф. Коснувшись ткани, он почувствовал сырость: даже за эти несколько минут влага от матраса успела пропитать одеяло. Тихо вздохнув, парень поплелся открывать.

Ань Но стоял на пороге с потемневшим лицом. В кулаке он сжимал ключи от мотоцикла, а сам он смотрел с неприкрытой яростью.

Бай Ичэнь уперся рукой в дверной косяк, преграждая путь. Поза была вызывающей, и скрывать свое нежелание видеть гостя он не собирался.

— Чего тебе?

Ань Но пропустил вопрос мимо ушей. Он всегда был человеком дела, а не слова. Одним движением крепкой руки он отодвинул худощавого Ичэня в сторону и размашистым шагом ворвался в каморку. Он мгновенно устался на кровать, а затем, не зная сомнений, капитан рванул на себя дверцу шкафа.

В комнате воцарилась звенящая тишина. Ань Но с трудом сдержал гнев. Он смотрел на скомканное одеяло и без всякой проверки знал — оно сырое. Он глубоко дышал, заставляя себя не взорваться.

Но это пламя бушевало в нем уже десять минут! Пока он гнал на мотоцикле, мечтая о своей мягкой постели, его внезапно прошила догадка: а будет ли Бай Ичэнь спать? В этом подвале ведь невозможно находиться.

И тут перед глазами всплыло, как Ичэнь вцепился в матрас: «Это... пока не выноси». Тот самый Ичэнь, который в такси едва не падал от усталости, дома вдруг развил бурную деятельность —

кипятил воду, разбирал шкаф, раскладывал продукты. И так яростно запрещал помогать с постелью, утверждая, что «ты там ничего не найдешь», пока не выставил Ань Но за дверь.

У этого мальчишки просто не было другой постели. Ань Но готов был поставить на это свою профессиональную честь.

Бай Ичэнь прислонился к косяку, обреченно глядя на капитана. Он не хотел, чтобы тот видел его изнанку. Честно говоря, он вообще не хотел, чтобы кто-то об этом знал. Горечь или боль — вкус своей жизни он привык чувствовать в одиночку. Ичэнь давно усвоил: полагаться на других бессмысленно, лучше рассчитывать на себя. Чужая забота или сочувствие — вещи мимолетные. Все твердят, что кровь не водица, а семейные узы — единственное, что нельзя разорвать. Ичэнь лишь пренебрежительно хмыкал на это. Что такое эти узы? Все близкие бросили его, никто не обернулся, никто перед уходом не сжал его руку, не спросил: «Ичэнь, как же ты теперь будешь один?»

Когда не стало матери, он, к своему стыду, почувствовал странное облегчение. И хотя за это его грызла совесть, чувство сброшенного груза было слишком явным. Слово «сыновний долг» существовало для него в голове, но не в сердце. Ичэнь с детства знал: в душе матери жил другой человек, который был для нее всем миром. Маленький Ичэнь изо всех сил старался отвоевать себе хотя бы крошечный уголок в её сердце. Сколько раз он мечтал прижаться к ней, капризничать, выпрашивать поход в парк или порцию мороженого... Он приносил отличные оценки, надеясь на объятия, но получал лишь блеклую улыбку. Он принимал это за стимул и старался еще сильнее, но реакция не менялась: холодный кивок, рука на макушке... и всё.

После сотен разбитых надежд он заставил себя поверить в одну истину: в этом мире никто не будет любить тебя просто так и вечно. Раз даже родная мать не смогла, значит, нельзя зависеть ни от кого.

Но потом он встретил Ань Но.

Ичэнь и сам не мог объяснить, почему так упрямо хотел быть рядом с ним, почему в одностороннем порядке решил стать ему «братом». Ань Но манил его, как огонь мотылька. В этом человеке было нечто, дарующее покой и тепло, заставляющее поверить, что у него наконец-то появился близкий человек.

И в то же время Ичэнь понимал: Ань Но для него — как наркотик. Он порождает зависимость, заставляет подчинять все радости и горести воле другого. Поддавшись этому, можно потерять себя и превратиться в раба. Ичэнь верил в это свято. Ведь когда Ань Но рявкнул: «Исчезни, не мозоль глаза!», ему и впрямь захотелось просто перестать существовать.

Ань Но стоял перед шкафом, с такой силой вцепившись в дверцу, что едва не раздавил её. Казалось, он сейчас раздавит дерево в щепки. Ему нужно было выплеснуть этот жар, прежде чем повернуться к упрямому мальчишке, которого хотелось одновременно и придушить, и обнять.

«Как он может быть так беспощаден к самому себе?»

Ань Но сделал несколько глубоких вдохов, но ярость не утихала. Она жгла глаза и сердце, перекрывая любую физическую боль. Капитан не замечал, что поранил руку о щепки. За этим гневом скрывалась любовь и невыносимая жалость, признаться в которых он боялся. Чтобы не чувствовать боли, нужно перестать любить.

Но истина была в другом: Бай Ичэнь сам был для него наркотиком. Стоило лишь раз вдохнуть этот аромат, и ты уже на седьмом небе. Ань Но однажды познал этот вкус и с тех пор не мог соскочить.

«Борьба с наркотиками? — Ань Но горько усмехнулся про себя. — Мне бы сначала со своей зависимостью разобраться!»

Он с грохотом захлопнул шкаф и обернулся к парню с улыбкой, которую можно было назвать разве что свирепой:

— Студент Бай, у тебя два варианта: либо мы едем в торговый центр за новым постельным бельем, либо ты едешь спать ко мне.

Бай Ичэнь почувствовал, что в этих словах кроется какой-то подвох. Он остолбенел и густо покраснел. Он понимал, что имеет в виду Ань Но, но фраза «едешь спать ко мне» прозвучала так двусмысленно, что он ляпнул первое, что пришло в голову:

— Я не буду с тобой спать!

Едва слова сорвались с губ, он понял, что вышло еще хуже. Зачем он выкинул слово «дома»? Теперь это вообще не походило на нормальный разговор.

— Отлично! Тогда переодевайся, едем в магазин! — Ань Но и вправду был доволен. Идея пройтись по рядам и превратить эту конуру в человеческое жилье казалась ему прекрасной.

— В ма-магазин? — Ичэнь только начал приходить в себя, и темп капитана его ошеломил.

— Что, не хочешь? — Ань Но подавил остатки гнева и в два шага оказался вплотную к парню. Прищурившись, он осмотрел его: бледный, осунувшийся, едва стоит на ногах. Решение пришло мгновенно: надо забирать его отсюда.

Ань Но схватил большой пакет и одним махом сгреб в него все лекарства со стола. Затем метнулся в ванную, сметая с полки зубную щетку, стакан и полотенце. Движения были отточенными, как на экзамене по физподготовке. Вихрем вернувшись к Ичэню, он крепко взял его за руку и коротко бросил:

— Идем.

Бай Ичэнь позволил увлечь себя за порог и вверх по лестнице, не проронив ни звука. Все его силы уходили на то, чтобы успокоиться. Он чувствовал, как краснеет, а в глубине души разгорался крошечный огонек радости, который с каждым шагом становился всё ярче.

«Значит, Ань Но всё-таки беспокоится обо мне, — думал он. — Хоть и ворчит, и характер у него не сахар».

А потом пришла другая мысль: «А он со всеми такой добрый?»

И следом — самая горькая: «Что мне делать? Мне так нравится, когда обо мне заботятся. Но если он когда-нибудь исчезнет... как я буду без этого?»

В голове Ичэня роились сотни тревожных мыслей, и лишь когда они остановились у подъезда Ань Но, до него наконец дошло: они приехали к нему домой.

Бай Ичэнь никогда не бывал в гостях у друзей или одноклассников. В его представлении визиты делились на два типа: официальные, когда приходишь с изящным подарком и соблюдаешь дистанцию, и родственные, когда можно ввалиться с пустыми руками и чувствовать себя как дома. Ни один вариант не подходил. Ичэнь внезапно запаниковал, не зная, как вести себя дальше.

И тут в памяти всплыло то самое слово: «спать». Он понимал его буквальное значение, и это его не пугало. Его пугало другое: даже если он называет этого человека «братом», разве не наглость — вот так, при первом же визите, занять чужую кровать?

Ань Но тоже замер у двери. Он не догадывался о странных метаниях в голове Ичэня. А если бы узнал, то вместо смеха почувствовал бы лишь острую боль. Ведь он и представить не мог, что этот мальчишка, чьи чувства сейчас так явно читались на лице, за все свои восемнадцать лет мечтал лишь об одном — о капле настоящего тепла. Дружба? Любовь? Для него это были непозволительные предметы роскоши.

<http://bllate.org/book/18167/1752119>